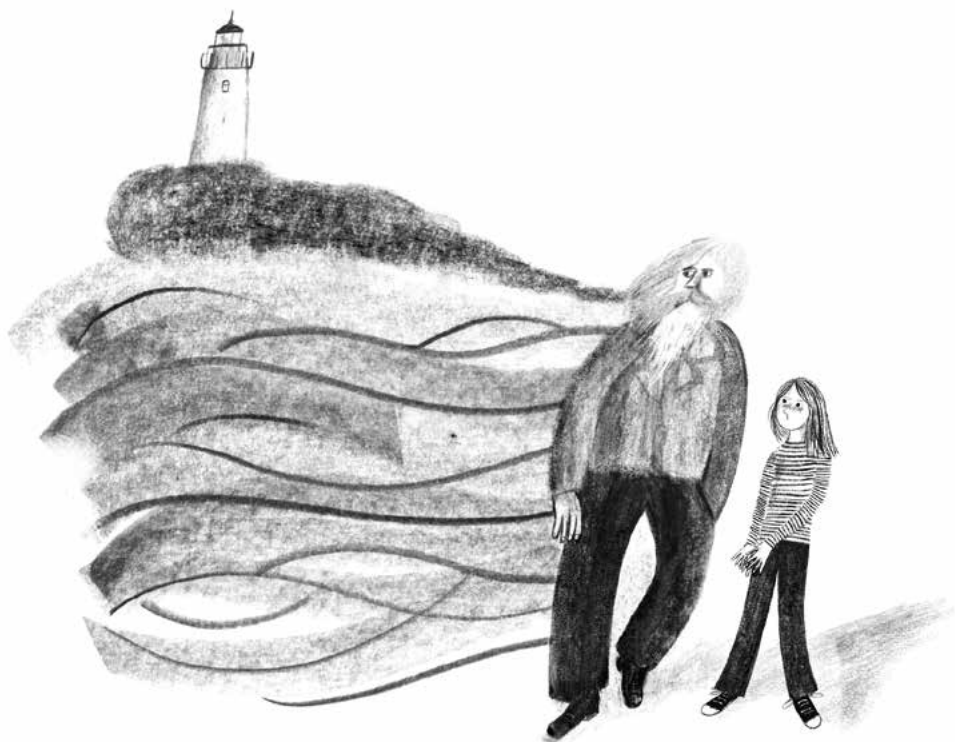

*Знаменитым маякам
и их зрителям посвящается*

На южном побережье Австралии, у залива Снаппер-Бей, расположился городок, носивший то же имя. Население его составляло человек сто. Одни были помоложе, другие — постарше, третьи — в средних летах.

Акселю Йоргенсену исполнилось семьдесят два года. Его голову украшали белоснежная копна волос и тоже белая, будто из хлопка-сырца, борода. Всем обликом, от головы до чуть колесоватых ног, он походил на волшебника из детской сказки.

Тессе Нобл было двенадцать, ножки у неё напоминали букву «икс». На её голове красовалась грива каштановых волос, щёки усыпаны были веснушками цвета тапиоки. Девочка жила в белом домике на главной улице Снаппер-Бей. Главной — потому что единственной: больше улиц в городке не было. Тесса жила с отцом, матерью, взрослым братом Джоди и его женой Бриджет.

Аксель Йоргенсен обитал сам по себе в бревенчатой хижине у излучины залива, подальше от города, как раз там, где заканчивался прибрежный песок и начинались первые скалы, у основания мыса, носившего название Молотковый. Он был рыбак и охотник, лодочник и бродяга, любил рассказывать истории и поучать. Тессу он учил многому. Когда они вместе шагали вдоль морского берега, он рассказывал ей про раковины и альбатросов, а когда

прогуливались меж озёр и болот – показывал заповедную сухопутную природу: серебристую осоку, улиток и колпиц. Для девочки в целом свете не было никого мудрее него.

Сколько себя помнила, она всегда звала его дядюшкой, хотя они были друг другу и не родственники. Он часто заходил к Тессе домой пообедать, а её отец никогда не упускал возможности сплавить с ним на рыбалку. Сама девочка проводила у его хижины не меньше времени, чем на своей улочке в Снаппер-Бей.

Хижина Акселя ломилась от вещей, которые мать Тессы считала хламом. Чего тут только не было: вёсла и ржавые ключины, куски каната, обломки штурвала, остроги, ящики, цепи и ловушки для раков, такие древние, словно с Ноева ковчега. Ведь Аксель успел в жизни побывать не только бродягой, но и моряком, не только рыбаком, но и смотрителем маяка. Тессу он знал с самого её рождения.

Аксель любил всех живых существ – исключением не был и молодой вомбат Камбуз, доставлявший ему немало хлопот. Бедняга угодил под машину у реки Муррей, а водитель подобрал его и сдал Акселю, как сдают пациентов в больницу. Поправившись, Камбуз остался жить при хижине: день-деньской рылся за ней в песке, а иногда делал вылазки в Снаппер-Бей и прореживал чей-нибудь огород.

– Опять этот пузатый вомбат! – говорили жители городка, обнаружив на участке нежданного гостя. – Надо отнести его обратно Акселю.

И вскоре Камбуз снова копался в песке, что-то вынюхивал по углам хижины или скрёбся под полом. Однажды Аксель стоял у плиты, помешивал кашу — и вдруг с головой провалился в свежерытую вомбатом нору. Но он никогда не злился на Камбуза. И, кажется, даже животным того не считал: по его словам, вомбат был ему товарищем, другом и верным спутником.

Однажды утром Тесса, по обыкновению, прошла вдоль всей луки залива к лачуге Акселя и увидела, что снаружи у входа стоит верстачок, Аксель увлечённо трудится над чем-то, зажатом в тисках.

— Что это ты мастеришь? — спросила девочка. — Что там у тебя такое?

— Нипочём не догадаешься, малышка Тесса, — ответил Аксель.

Девочка сразу поняла: случилось что-то необычное — малышкой Тессой он называл её, только когда был взволнован.

— Расскажи!

— Посмотри сама, — кивнул он на дверь хижины. — Только осторожно.

Тесса медленно, с опаской подошла к двери.

— Там, часом, не змея?

— Нет, не змея. Заходи, увидишь.

Переступив порог, Тесса сперва ничего не могла разглядеть в потёмках. Она и тарасилась, и щурилась — всё без толку.

— Ничего не видно!

— Да уж, не зоркий у тебя глаз, — хмыкнул Аксель. — Не стану тебя больше брать в разведку на болота.

Некоторое время оба молчали: Тесса, затаив дыхание, всматривалась в темноту, Аксель же продолжал корпеть за своим верстаком.

И вдруг девочка увидела.

В большой проволочной клетке, тяжело дыша, лежит на боку длинноносая птица. У неё пятнистые буро-бежевые крылья и тело, а грудка — белая, и длинные полосы над глазами — тоже белые. Какая красивая: чудесные крапчатые перья, яркие испуганные глаза и изящно загнутый книзу длинный клюв.

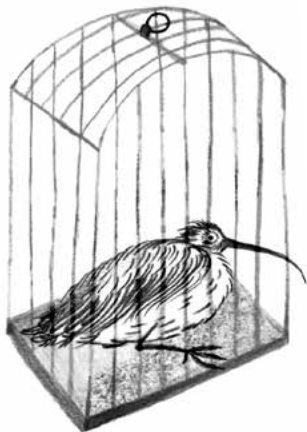
— Кто это? — выдохнула наконец девочка.

Аксель отложил инструменты и выпрямился.

— Кроншнеп, — ответил он.

— Кроншнеп... — Тесса покатала новое слово на языке. — Мне нравится, как это звучит. Не зря его так назвали!

— Да, — согласился Аксель. — В его имени стремительный полёт, и даль, и одинокие птичьи крики в ночи.

Тесса помолчала, потом снова взглянула на кроншнепа:

– Он ранен?

– Да, – голос Акселя чуть дрогнул.

– Плохо дело? – догадалась она.

– Да уж, не хорошо.

– Что-то с крыльями? – спросила Тесса.

Аксель вынул из тисков то, над чем трудился, повертел в руках, снова зажал. Потом обернулся к девочке:

– Тесса, бедняга остался без ноги. Толком стоять не может.

Девочка пришла в ужас:

– Без ноги? Как это он умудрился?

– Кто бы знал...

– Может, рыба напала? Приплыла огромная барракуда и откусила ему лапку?

Аксель покачал головой:

– Что бы это ни было, оно застигло его или в воздухе, или на земле. Такие, как он, любят узкие протоки и отмели.

– Может, он напоролся на железку? Или на проволоку, летел слишком быстро и врезался в провода?

Аксель замотал головой – его седая копна заходила ходуном:

– Нет. Скорее всего, словил пулю.

– Как – пулю? – потрясённо воскликнула Тесса. – Кто будет стрелять в кроншнепа?

– Ты спрашиваешь кто? – Аксель принялся яростно работать напильником. – Видала, что творят с ружьями Крошка Герберт и Джо Дзуччи? Чокнутые!

— Но они же не станут стрелять в кроншнепа, правда же, не станут?

— Эти готовы палить во что угодно. В зуйка, в ласточку, в утку, в бекаса, в ибиса, в пеликана, в дупеля, в лебедя — да хоть в жестянку, хоть в бочонок, хоть в столб, хоть даже в лампочку! По ним тюрьма плачет.

— Бедняжка! — Несколько времени девочка молчала. — И что с ним теперь будет?

Старый Аксель вскинул голову:

— А ты как думаешь? Не знаю даже, выживет ли он. А через пару недель ему лететь до самой Сибири — или Канады.

— Но это же другой край света!

— Да. И с двумя-то ногами путешествие не из простых.

Сидя на старом ящике у двери, Тесса переводила взгляд с Акселя на кроншнепа и обратно.

— Он может приземлиться на одну ногу, а потом снова взлететь? — спросила она.

— Обычно птицы умеют стоять на одной ноге — если только ветер не сильный. Но у него и вторая пострадала — видишь коготь?

— Выходит, он совсем стоять не может?

— Может-то может, да долго не простоит. Будет подпрыгивать и шлёпаться, перелетать и снова падать. Как он такой выживет? Как добудет себе еду? Не лучше ли помочь ему уйти, чем бросить умирать от голода?

Глаза Тессы широко распахнулись.

— Помочь уйти?..

– Именно. Быстро избавить его от мучений.

– Нет! – вскрикнула девочка. – Нет, нет, ты не такой! – Она пылливо поглядела на старика: – Ты ведь не смог бы его убить, правда?

Аксель усердно возился за верстаком, и девочке показалось, будто он её не слышит. Наконец он ответил, не отрываясь от работы:

– Иногда приходится делать то, чего не хочешь... делать через силу.

– Ты не смог бы! – убеждённо воскликнула Тесса. – Или смог бы, но всё равно бы не стал! – Она встала с ящика и подошла к верстаку: – Да что ты там такое вытачиваешь?

Аксель вынул из тисков что-то небольшое, медленно поднял кверху. Это была деревянная птичья лапка. Как раз впору кроншнепу.

Тесса держала кроншнепа, Аксель прилаживал деревянную лапку. Задача не из простых, хотя протез был сработан на совесть: Аксель кропотливо выточил три птичьих пальца, а сверху был круглый стержень с отверстием для уцелевшей части ноги.

К счастью, птица не сопротивлялась. Аксель показал Тессе, как крепко и осторожно удерживать её, прижимая крылья к телу. Кроншнеп, конечно, напугался, но как будто знал, что ему хотят помочь.

Его тёмные глаза моргали и блестели, а голова подёргивалась. Клюв дёргался вместе с ней, будто что-то выискивал.

Тесса смотрела как заворожённая и в конце концов проговорила:

— В нём, наверно, сантиметров десять!

Аксель даже головы не поднял.

— Десять? Да тут все сорок. Кроншнеп — птица немалая.

И летун знатный.

— Я не про птицу, я про клюв!

— А что клюв?

— В нём, говорю, сантиметров десять.

— Так то в клюве, а не в целом кроншнепе...

— Да в клюве, в клюве!

— Так бы сразу и говорила.

Тесса фыркнула.

— Дядюшка, ты будто оглох...

Девочка готова была сказать и чего пообиднее, но удержалась. Она снова оглядела птицу: огромный, чёрный как смоль загнутый клюв, белая грудка, крапчатая спинка, светлые полосы пролегают от клюва над глазами к затылку.

— Какой же ты красивый... — протянула Тесса. Тут кроншнеп вдруг дёрнулся, и ей пришлось перехватить его покрепче.

— Сиди смирно, Тит, — ласково успокоил его Аксель. — Мы почти закончили.

— Ты решил назвать его Тит?

— По мне, ему подходит. Тит — полетит или не полетит...

— «Поле-тит»! Страшная шутка, дядя Аксель!

— Почему же шутка? Для начала узнаем, может ли он ходить.

— Что, уже готово?

— Ага.

Аксель отложил плоскогубцы и прочие инструменты и выпрямился.

— Отнеси его в клетку.

С минуту кроншнеп бился и хлопал крыльями, но быстро успокоился и принялся ковылять по клетке взад-вперёд. Сначала он высоко задирал искусственную ногу и ходил неловко, как человек, впервые вставший на лыжи, но вскоре освоился и радостно забегал. Тесса наблюдала за ним, прижав нос к проволочной сетке.

— Ходит, дядюшка Аксель! — воскликнула она. — Совсем как на своей ноге!

— Ещё бы, — довольно отозвался старик.

— Скажи, он теперь может летать и не воткнётся носом в песок, когда будет садиться?

— Пусть денёк-другой пообвыкнется, тогда посмотрим, — сказал Аксель. — Слыхано ли, чтобы птица с деревяшкой научилась летать.

Они мудро сделали, что подождали. Через два дня деревянная лапка никуда не годилась. Тит несколько раз наступил в корытце с водой, пористая древесина разбухла и начала трескаться.

— Хороша нога, нечего сказать, — сокрушённо проговорил Аксель. — С такой ты, братец, и сотню километров

не пролетишь, а тебе ведь надо через полмира. Придётся выдумать что-нибудь получше.

Целый день корпел он за верстаком и сделал металлическую лапку — из алюминия. Она вышла очень изящной, но надевать её птице на культяпку было страшновато.

— Не годится, — сказал Аксель. — Ещё натрёт ногу, чего доброго. Вреда больше, чем пользы.

Тесса упала духом:

— Что же нам делать? Он такой беспомощный, когда ты забираешь у него лапу!

— Рано горевать, у меня ещё много мыслей в запасе.

Теперь он сделал лапку из пластмассы: тщательно скопировал форму настоящей и раскалённым шампуром выплавил сверху небольшую полость. На первый взгляд, нога подходила просто прекрасно. Но Акселю всё было мало, и ещё два дня он стачивал с пальцев и трубки лишнее, пока наконец не остался доволен. Теперь протез плотно облегал косточку где-то на полтора сантиметра, и обе лапки, настоящая и искусственная, стали в точности одной длины.

На всякий случай Аксель закрепил протез крошечным хомутом.

— Ну что, Тит, — сказал он, — теперь хоть танцуй.

Тит вышагивал так важно, будто маршировал на параде,

и с таким довольным видом, что Тесса не удивилась бы, начни он улыбаться своим длинным загнутым клювом.

— Теперь-то с ним всё будет хорошо, — сказала девочка. — Точно не пропадёт.

Аксель продержал кроншнепа в клетке ещё неделю и каждый день внимательно осматривал его лапку. Под конец Тит стал уже совсем ручной: смиренно стоял, когда к нему подходили, и даже клевал с ладони.

Тесса видела: Аксель привязался к пациенту, ещё чуть-чуть — и не сможет с ним расстаться.

— Он так и будет жить у тебя? — спросила она в один прекрасный день не без коварства. — Или ты его всё же отпустишь?

Аксель со странной усмешкой посмотрел на неё.

Тесса смутилась: зачем она это сказала? Акселя расстроили её слова!

— Ну что же, Тит, — вдруг сказал он и вытащил кроншнепа из клетки. — Давай проверим, выдержит ли твоя лапка дальнейшее путешествие.

Они взяли Тита на руки и пронесли его по дюнам за хижиной, к отмелям у залива, туда, где уже начиналось море. Там они остановились и в последний раз взглянули на кроншнепа. Его тёмные блестящие глаза моргали. Тессе вдруг стало грустно, как будто она навсегда прощалась с дорогим другом.

— Прощай, Тит, — прошептала она. — Береги себя.

— Давай, лети, — добавил Аксель. — Теперь ты не пропадёшь.

Он поставил кроншнепа на твёрдую глиняную кромку отмели. Секунду-другую Тит стоял неподвижно, будто ошеломлённый открывшимся перед ним простором. Потом пробежал несколько шагов и легко взмыл в воздух. Девочка и старик глядели ему вслед, приставив ладони козырьком ко лбу.

— Смотри, как летит! — воскликнула Тесса. — Быстрый, вольный!

— Красиво летит, — отозвался Аксель, пристально вглядываясь в удаляющийся силуэт. — Какой же красавец!

Они не убрали ладоней от глаз, пока наконец кроншнеп не юркнул за горизонт где-то у болот и не пропал из виду.

В мире было много птиц — и всё же он вдруг опустел.

— Пошли домой, Тесса, — мягко сказал Аксель. — Ни к чему грустить о Тите, — тихо добавил он, видя, что у девочки

затуманились глаза и дрожит губа. — Он догонит других кроншнепов, своих друзей, и будет счастлив. Было бы жестоко держать его в клетке, тем более ему пора лететь со всеми на другой край света. Подумай, как одиноко ему было бы, останься он здесь. Разве этого ты ему желаешь?

Девочка помотала головой:

— Нет, не этого.

— Зато представь, каким героем его будут считать собратья. Теперь он всю жизнь будет рассказывать, как получил деревянную ногу.

— Пластмассовую.

— Совсем как старушка миссис Эллиот после операции.

Тесса улыбнулась:

— Он теперь особенный, правда?

— Единственный в своём роде, — кивнул Аксель. — Другого такого кроншнепа в целом мире не сыскать.